УДК 330
ключевые слова: институциональный монополизм, экономико-трансакционная матрица, политический монополизм, инсайдерский монополизм, административный монополизм, статусный монополизм, индекс концентрации функций власти, коэффициент участия в принятии институциональных решений, коэффициент локализации административных трансакций

Р. А. Самсонов

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МОНОПОЛИЗМА

В статье развивается экономическая концепция институционального монополизма. В качестве методологической основы исследования предложена таксономическая модель социальных институтов в виде экономико-трансакционной матрицы институциональной системы общества. На этой основе проведен теоретический и правовой анализ проблемы институционального монополизма и предложена классификация его форм. Для диагностики проблемы институционального монополизма разработана система специальных индикаторов, посредством которых осуществлена оценка степени развития форм институционального монополизма в конкретном регионе (по материалам Алтайского края). Оценка показала наличие целого пласта монополизма, не урегулированного в должной мере нормами права.

Серьезной проблемой в развитии российского общества является гипертрофированный монополизм структур власти и управления в системе экономических отношений, который ведет к разрастанию бюрократизма и коррупции. В явном виде проблема институционального монополизма впервые в экономической науке была сформулирована в трудах А. Губаря [1] как наиболее сильный фактор, препятствующий эффективному проведению реформ в экономике переходного общества. Существующее антимонопольное законодательство (ФЗ РФ «О защите конкуренции», от 26 июля 2006 г. №135, ст. 15-21) рассматривает антиконкурентные действия институциональных структур с позиции традиционного подхода, отражающего классические представления о монополиях и их регулировании. Органы власти и самоуправления в этом случае рассматриваются лишь только как институциональные субъекты, способные вызывать процессы монополизации на отдельных рынках, создавая экономический потенциал для реализации классических форм монополизма. В качестве теоретико-методологической основы исследования институционального монополизма была разработана экономико-трансакционная матрица институциональной системы общества [4], в которой все социальные институты классифицированы с точки зрения, во-первых, создаваемых в их рамках экономических благ и, во-вторых, трансакций, осуществляемых через посредство этих институтов (табл. 1).

Процессы монополизации институциональной системы общества обусловлены наличием объективных экономических предпосылок. Во-первых, правила игры, формирующиеся как результат институциональных трансакций, обладают в институциональной системе экономическими характеристиками общественных благ. Во-вторых, функция формирования институциональных правил игры подвержена сильной

Таблица 1

Экономико-трансакционная матрица институциональной системы общества

Трансакции	**Экономические блага**			
	рыночные (частные)	**смешанные**		**социальные (общественные)**
		клубные	**коллективные**	
Институциональные	Институты избирательства	Институты трансакционной инфраструктуры	Институты самоуправления	Институты власти
Операционные	Институты бизнеса	Институты социальной инфраструктуры	Институты коммунального хозяйства	Институты социальных гарантий

Таблица 2

Типы и формы монополизма

Трансакции	**Экономические блага**			
	рыночные (частные)	**смешанные**		**социальные (общественные)**
		клубные	**коллективные**	
Институциональные	Институциональный монополизм			
	Статусный монополизм	Административный монополизм	Инсайдерский монополизм	Политический монополизм
Операционные	Операционный монополизм			
	Функциональный монополизм	Инфраструктурный монополизм	Естественный монополизм	Социальный монополизм

монополизации со стороны государственных образований, объективно обладающих сравнительными преимуществами в осуществлении потенциала насилия. В-третьих, экономическим фактором, обусловливающим существование монополии в институциональной сфере, выступает наличие эффекта возрастающей отдачи от масштаба по аналогии с естественной монополией. В-четвертых, функция формирования институциональных правил игры подвержена концентрации в рамках государства по причине необходимости снижения совокупных трансакционных издержек в экономике посредством вертикальной интеграции, т. е. интернализации данных видов деятельности. В-пятых, монополии в институтах высшего порядка поддерживаются высокими входными и выходными барьерами в виде больших безвозвратных затрат.

На основе разработанной экономико-трансакционной матрицы предлагается авторская классификация типов и форм монополизма [4], учитывающая их экономические закономерности и особенности функционирования (табл. 2).

Институциональный монополизм выражается в доминировании определенных субъектов социально-экономических интересов посредством контроля над правилами игры, по которым осуществляются социальные взаимодействия. Экономический механизм реализации институционального монополизма в самых общих чертах может быть представлен воспроизводством эффектов негативного отбора правил игры. Существование обратной селекции правил игры обусловлено наличием проблемы отрицательных (перепроизводство институциональных благ с «ретроспективной» ответственностью за нарушение запретов) и положительных (недопроизводство институциональных благ с «перспективной» ответственностью за невыполнение обязанностей) внешних эффектов в монополизированных институциональных структурах. Таким образом, структуры власти и управления, зараженные различными формами институционального монополизма, экстернализируют издержки ответственности на общество и социально уязвимые группы, максимизируя свою полезность.

Политический монополизм формируется в институтах власти, определяющих отношения принуждения/подчинения и имеющих общую компетенцию на всей территории государства. Реализуется политический монополизм в органах законодательной, исполнительной, судебной власти, прокуратуры.

Сущность политического монополизма заключается в концентрации нормоустанавливающих, нормоинтерпретирующих и нормоисполняющих функций власти на уровне конкретного органа или субъекта. Этим закладываются дополнительные ресурсы и привилегии под расширение квазиполномочий, обеспечивающих политическое доминирование. В ситуации политического монополизма объектом монополизации выступают функции власти. В качестве индикатора политического монополизма автором разработан и предложен индекс «концентрации функций власти» в рамках того или иного политического субъекта:

$$IP = \sum_{i=1}^{3} fp_i, \qquad (1)$$

где IP — индекс концентрации функций власти; fp_i — i-я функция власти, которой обладает (принимает значение 1) или не обладает (принимает значение 0) определенный политический субъект; число 3 соответствует трем основным функциям власти. Для оценки уровня политического монополизма предложена шкала: при $IP = 1$ — естественная централизация определенной функции власти политическим субъектом; при $IP = 2$ — доминирование политического субъекта (имеет место

монополизация одной дополнительной функции власти); при $IP = 3$ — монополизация функций власти политическим субъектом.

Для оценки уровня политического монополизма в Алтайском крае был использован индикатор «индекс концентрации функций власти». В качестве объектов анализа были выбраны органы институтов власти и управления, осуществляющие свою деятельность на территории Алтайского края. Репрезентативная выборка была сформирована на основе включения структур власти и управления, в компетенцию которых входят нормоустанавливающие, нормоинтерпретирующие и нормоисполняющие функции на федеральном, региональном и местном уровнях. Всего было выбрано 103 структуры [2, 3], из которых 46 составили территориальные структуры федеральных органов власти, 31 — органы власти Алтайского края и 26 — структуры местного самоуправления г. Барнаула (2009 г.). Индекс концентрации функций власти (*IP*) по подавляющему большинству структур (57%) был равен 3 (соответственно: 2 — 16%, 1 — 27%), что характеризует институты власти Алтайского края и г. Барнаула как сильно монополизированные. Более низкий уровень политической монополизации наблюдается в территориальных структурах федеральных органов власти и управления, в которых данные функции более четко разделены и специфицированы.

Инсайдерский монополизм реализуется в институтах самоуправления, определяющих локальные отношения власти и имеющих ограниченную компетенцию на уровне конкретной местности и конкретных социальных групп. На уровне локальных юрисдикций и организаций существуют благоприятные условия для реализации эффекта ускоренного образования инсайдерских групп. Данное обстоятельство обусловлено тем, что при неисключаемости из потребления свойство неконкурентности в потреблении коллективных благ институционального типа выполняется только до определенного момента, после чего проявляется тенденция к росту их относительной ограниченности. Всевозрастающая дефицитность полезности от коллективных благ институционального типа способна генерировать образование различного рода инсайдерских групп лоббистской направленности, доминирующих в социально-экономической системе на основе рентоискательства в виде поиска различных привилегий и льгот, формируя коррупционный и бюрократический потенциал негативных трансформаций.

Объектом инсайдерской монополизации в институтах самоуправления является процесс принятия управленческих решений. Инсайдерский монополизм проявляется в концентрации функции принятия институциональных решений в пределах компетенции одного субъекта — органа, группы или статусной позиции. Индикатор инсайдерского монополизма предложим в виде коэффициента участия в принятии институциональных решений в институтах самоуправления:

$$CM = \frac{I}{n} \times 100, \qquad (2)$$

где CM — коэффициент участия в принятии институциональных решений (%); I — число субъектов, имеющих реальные полномочия в принятии институциональных решений на определенной территории-юрисдикции и/или в группе института самоуправления (инсайдеры); n — общее количество субъектов конкретной территории-юрисдикции и/или группы института самоуправления, имеющих формальные полномочия в принятии институциональных решений. Для оценки уровня инсайдерского монополизма предложена следующая шкала: при $CM = 100\%$ — полная конкуренция в процессе принятия институциональных решений на определенной территории-юрисдикции и/или группе; при CM от 50% до 100% — доминирование квалифицированного большинства; при CM от 50% и до 1 субъекта — доминирование инсайдерских групп и субъектов.

Оценка степени инсайдерского монополизма в Алтайском крае основывается на использовании индикатора «коэффициент участия в принятии институциональных решений». В качестве объектов анализа были выбраны 26 структур [2] институтов самоуправления муниципального образования г. Барнаула (2009 г.). Коэффициент участия в принятии институциональных решений в конкретных сферах для обследованных структур составил CM менее 1%, что характеризует органы институтов местного самоуправления как полностью монополизированные. Реальное функционирование институтов местного самоуправления соответствует государственной теории самоуправления, разработанной Л. Штейном и Р. Гнейстом. То есть институты самоуправления в данной ситуации выступают разновидностью институтов власти, имеющих меньший, локальный формат.

Административный монополизм реализуется в институтах трансакционной инфраструктуры, регулирующих отношения доступа

претендентов к институциональным клубам. Развивается административный монополизм в различного рода бюро по регистрации, лицензированию, сертификации и т. д. Как правило, клиенты данных организаций юридически и экономически привязаны к своему территориальному органу и не имеют возможности обратиться к другому поставщику аналогичных услуг. Монопольная экспозиция в сочетании с правом интерпретации норм и неэффективным стимулированием труда работников данных служб закономерно вызывает их бюрократизацию и коррупцию.

В институтах трансакционной инфраструктуры объектом административной монополизации выступает право выдачи разрешения или допуска к институциональному клубу в пределах конкретной территории-юрисдикции и/или группы. Административный монополизм проявляется в концентрации функций спецификации и рационирования административных трансакций в пределах конкретной территории-юрисдикции или организации. В качестве индикатора административного монополизма автором разработан и предложен коэффициент локализации административных трансакций:

$$CL = \frac{1}{n} \times 100, \qquad (3)$$

где CL — коэффициент локализации административных трансакций (в %); n — общее количество субъектов-операторов, имеющих право специфицировать и рационировать административные трансакции в сфере конкретного института трансакционной инфраструктуры. Для оценки уровня административного монополизма предложена следующая шкала: при CL не более 1% — конкурентный рынок административных трансакций; при CL от 1 до 5% — слабое доминирование на рынке административных трансакций; при CL от 5 до 50% — сильное доминирование на рынке административных трансакций; при CL = 100% — полная монополизация рынка административных трансакций.

Оценка уровня административного монополизма в Алтайском крае проводилась на основе использования показателя «коэффициент локализации административных трансакций». В качестве объектов анализа были выбраны структуры институтов трансакционной инфраструктуры [2, 3]: органы федерального (29), регионального (27) и местного (19) уровней (на примере г. Барнаула), а также коммерческие и некоммерческие организации — нотариусы, аудиторы, оценщики, страховые компании и образовательные учреждения (2009 г.). Коэффициент локализации административных трансакций для подавляющего числа субъектов (94%) составил CL = 100%, что говорит о высокой степени административной монополизации. Исключения составили некоторые бизнес-структуры и некоммерческие организации, осуществляющие спецификацию и рационирование административных трансакций (CL = от 0 до 1%).

Статусный монополизм утверждается в процессе функционирования структур институтов избирательства, упорядочивающих отношения выбора — назначения на те или иные статусно-ролевые позиции в виде государственных, муниципальных и организационных должностей. Непосредственными пользователями статусов выступают субъекты, претендующие на те или иные должности. В то время как их формальными потребителями являются все члены (избиратели) общества или его отдельной юрисдикции, имеющие проблему асимметричности информации во взаимодействии со своими агентами-исполнителями и подверженные воздействию эффекта «рационального неведения». Статусные монополисты, максимизируя свою полезность от получаемого бюджета, будут стремиться сформировать как можно больше контролируемых должностей.

Объектом статусного монополизма в институтах избирательства выступает статусная(ые) позиция(и) — концентрация у определенных субъектов (конкретных личностей и групп). Наиболее известным индикатором электоральной конкуренции является показатель «эффективное число партий» (N) или «кандидатов» (E), предложенный М. Лааксо и Р. Таагеперой [5]:

$$N(E) = \frac{1}{\sum_{i=1}^{n} (v_i / 100)^2}, \qquad (4)$$

где v_i — доля голосов (в %), полученных каждой i-й партией или кандидатом на выборах. N — гипотетическое число партий равного размера, при котором воздействие на фрагментацию системы было бы таким же, как и при реально существующих разнокалиберных партиях. N составляет 1, если присутствует одна партия, и стремится к бесконечности, когда их бесконечно много.

В условиях представительной демократии также используется индикатор «амплитуда искажений»: определяется как сумма всех отличий долей полученных партиями голосов от долей мест, полученных этими партиями в парламенте.

В целях оценки уровня статусного монополизма в Алтайском крае на выборах депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания были применены показатели «эффективное число партий» и «амплитуда искажения». Объектами анализа в процессе оценки статусного монополизма выступили статусные позиции в институтах избирательства. Расчет показателей статусного монополизма проведен на основе информации [3] о выборах депутатов АКЗС (2 марта 2008 г.). Со вступлением в силу ст. 18, п. 1 ФЗ РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», касающейся назначения глав администраций субъектов РФ, народ лишился права непосредственно их избирать, что, безусловно, ведет к относительной статусной монополизации данных должностей. Эффективное число партий на выборах 2 марта 2008 г. депутатов в АКЗС составило 2,8 электоральных и 2,76 парламентских групп. Такой результат позволяет говорить о наличии нескольких влиятельных групп претендентов на статусные позиции в регионе. Для сравнения: на выборах в Алтайский краевой Совет народных депутатов (АКСНД) 14 марта 2004 г. эффективное число партий составило 5,1 электоральных и 3,5 парламентских групп. Амплитуда искажения по всем партиям составила всего 3,77%. Следует учитывать, что в связи с отсутствием графы «против всех» избиратели, желающие подать свои голоса против всех краевых списков кандидатов, оказались лишенными этого права (для примера — это около 9,58% голосов избирателей на выборах в АКСНД 14 марта 2004 г.). На этой основе сделан вывод, что в Алтайском крае, как и в целом по России, наблюдается сильное сужение пространства конкуренции за статусные позиции.

Таким образом, в настоящей статье намечены концептуальные основы и контуры экономической теории институционального монополизма.

Список литературы

1. *Губарь А. И.* О концептуальных основах реформирования экономики переходного общества // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 2. с. 73-76.

2. Сайт города Барнаула. [Электронный ресурс]. URL: http://www.barnaul.org (дата обращения: 17.12.2009).

3. Сайт органов власти Алтайского края [Электронный ресурс] : URL: http://www.altairegion.ru (дата обращения: 17.12.2009).

4. *Самсонов Р.* Институциональный монополизм. Сущность и особенности регулирования // Вопросы экономики. 2007. №1. с. 140-143.

5. *Laakso M., Taagepega R.* The Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies. 1979. vol. 12. №1.